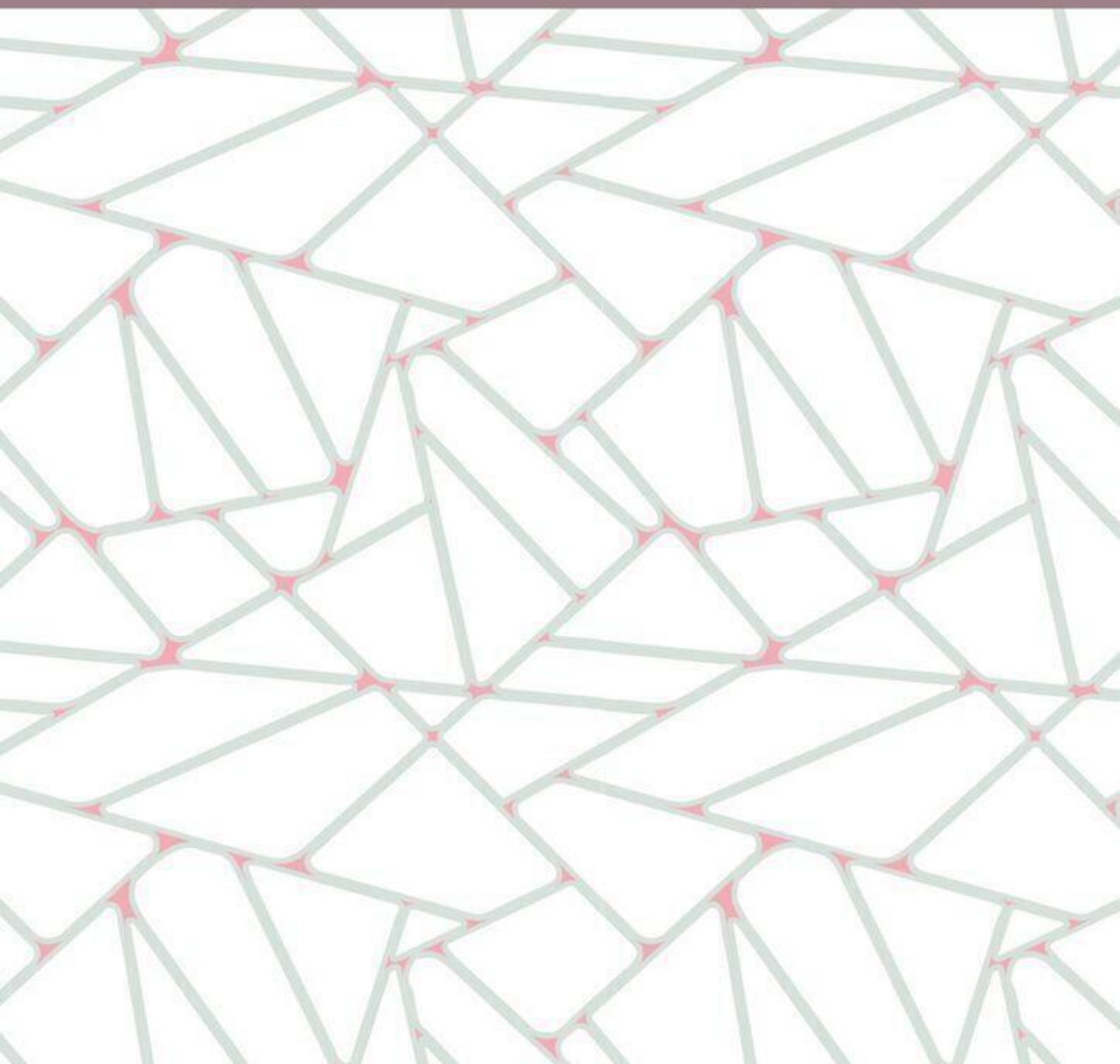

18+

Арина Лорель
Корабли

Арина Лорель

Корабли

«Издательские решения»

Лорель А.

Корабли / А. Лорель — «Издательские решения»,

Норвегия, 2071. Бывший чистильщик Сигрид Хаугланд просыпается в плавучей криотюрьме с таймером на нейроинтерфейсе: 176 дней до смерти от наноагента «Ржа». Единственный антидот оказывается биокибероружием, а её собственная жизнь — экспериментом корпорации BioGen. Чтобы выжить и остановить вице-президента Еву Санд, Сигрид придётся стать идеальным оружием. Но оружие тоже может выбирать, в кого стрелять.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

КОРАБЛИ	6
Пролог. Севернее Лофотенов, 2081	7
Глава первая. Калибровка	8
Глава вторая. Спуск	11
Глава третья. Точка сбора	13
Глава четвёртая. Магнус	15
Глава пятая. Слезы Лофотена	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Корабли

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-4731-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОРАБЛИ

**Море не помнит имён.
Но оно помнит кровь.**

Пролог. Севернее Лофотенов, 2081

Ветер здесь не свистел — он вгрызался: в металл, в стекло, в швы между панелями. Сталь платформы отдавала вибрацией, которая поднималась по подошвам, переходила в коленях в глухую дрожь, застревала в позвоночнике. Марит стояла у иллюминатора, почти касаясь лбом стекла. За ним — только вода и небо, сросшиеся в серую массу. Ни огней берега, ни линии горизонта. Только аварийные маяки, мигающие в такт насосам: красный, тьма, красный, тьма. Как пульс под кожей.

На рукаве её комбинезона выцвела эмблема Norsk BioGen: спираль, обвитая вокруг буровой трубы. Логотип теперь казался насмешкой — наука, обнимающая то, что давно перестало быть объектом изучения.

— Синхронизация завершена, — прозвучал из динамика голос ассистента. — Гиппокамп очищен. Две итерации. Остаточная активность в миндалевидном теле и зрительной коре. Память фрагментарна. Идентификаторы стёрты.

Марит кивнула, не обернувшись. Смотрела, как за стеклом очередная волна собирается в стену и падает на опору.

— Она помнит боль?

— Да. Запах хвои. Гул двигателя. Крик. Но контекст утерян. Имя не всплывает.

— Хорошо. Имя цепляет. Нам не за что тянуть.

Внизу, в изоляционном блоке, лежала женщина. В документах — образец семь. В её собственных снах — босые ноги, трескающийся лёд, тени под водой, которые двигались не как животные, а как механизмы. Тени без глаз. С интерфейсами вместо зрачков. Они не плыли. Они выполняли команды.

Сирена резанула по коридорам. Не предупреждение — сигнал сбоя. Платформа дёрнулась. Где-то на уровне минус четвёртый провернуло клапан, и металл застонал, как живой. Марит закрыла глаза. На мгновение ей показалось, что левая рука под перчаткой отозвалась на этот стон — короткой судорогой, тёплой волной под кожей.

— Запускайте протокол, — сказала она. — И молитесь, чтобы она не вспомнила, чья это кровь на льду.

Глава первая. Калибровка

Холод пришёл первым. Не снаружи — изнутри. Он сидел в костях, как старый осколок, обросший памятью. Сигрид открыла глаза. Стекло капсулы было матовым от конденсата. За ним — контуры людей, лампы, провода. Попытка пошевелить пальцами отозвалась болью в запястьях. В висках пульсировало. Не кровь. Что-то другое. Тянувшее, металлическое. Словно в череп вставили тонкую струну и медленно натягивали.

— Дыхание стабильное. Зрачки реагируют.

— Вливайте стабилизатор.

Жидкость пошла по вене. Не тепло — глушение. Шум в голове стих, уступив место ровному гулу. Стекло отъехало. Воздух ударил в лёгкие — тяжёлый, с привкусом озона и машинной смазки. Сигрид закашлялась.

— Сядь, — сказала женщина. На ней был тот же комбинезон. Лицо уставшее, под глазами тени. Нейропорт у основания черепа поблёскивал хромом. — Не рвись. Мышцы атрофированы.

Сигрид оперлась локтями. Мир накренился. Она посмотрела на руки. Кожа почти прозрачная. На запястьях — следы от катетеров. И тонкая сеть под кожей. Сероватая. Пульсирующая в такт её пульсу, но с задержкой в полтакта. Словно внутри жил второй сердечный ритм — чужой и терпеливый.

— Где я?

— Станция глубокого бурения. Севернее Лофотенов. — Женщина не назвала имени. — Ты лежала три месяца. В крио.

— Почему?

— Потому что ты не болела. Ты менялась.

За спиной женщины мигнул монитор. Карта побережья. Красные метки. Осло. Берген. Ставангер. Они множились. Не как вспышки инфекции. Как синхронизация. Словно кто-то неспешно, но уверенно соединял города в одну сеть.

— «Ржа» пошла по сетям, — сказал кто-то из тени. Молодой голос. Дрожащий. — Нейроинтерфейсы. Протезы. Детские импланты. Она пишет код в синапсы. Не убивает. Перепрошивает.

Женщина — Марит, прочитала Сигрид по губам, потому что буквы на бейдже были стёрты до белизны — кивнула.

— Ты — носитель. Идеальный. Твоя нервная система уже приняла паттерн. Осталось понять, какой.

— Паттерн чего?

— Того, что ждёт подо льдом.

Сигрид попыталась отодвинуться. Ремни, которых она не заметила, врезались в плечи.

— Отпусти.

— Не сейчас. Сначала — калибровка.

Сирена сменила тон. Ниже. Протяжнее. Пол под ногами дрогнул. Не от ветра — от глубины. Где-то внизу лопнула переборка, и звук прошёл через металл, как через кость.

— Эй.

Голос из-за стеллажа с оборудованием. Сигрид повернула голову. Парень. Лет пятнадцати. В залатанном оранжевом костюме. На виске — криво припаянный нейропорт. Трещина на корпусе. Из-под неё сочилось что-то тёмное, густое, похожее на остывшую смолу.

— Ты здесь надолго? — спросил он.

— Меня развяжут, — сказала Сигрид. — Помоги.

Он подошёл. Руки тряслись. Пальцы нащупали пряжку. Щелчок. Ремень ослаб. Потом второй. Сигрид сползла на пол. Ноги подкосились, но она удержалась.

— Меня Ларс зовут, — прошептал он. — Они сказали, я буду пилотом дрона. А потом перестали приходить. Интерфейс... он теперь часть меня. Если вынуть — остановится сердце. Я не проверял.

— И не будешь, — сказала Сигрид. Она поднялась. Колени дрожали, но тело помнило, как держать баланс. — Где выход?

— Уровень минус второй. Служебный шлюз. Но там вода. И... они.

— Кто?

Ларс посмотрел на свои руки. На сеть под кожей, такую же, как у неё.

— Те, кто уже не просыпается. Но ходит.

На мониторе красные метки слились в сплошную линию. Осло. Марит смотрела на экран. Не на Сигрид.

— Ты не выживешь здесь, — сказала она тихо. — Ни ты, ни он. Система падает. «Ржа» уже в контуре.

— Тогда открой шлюз, — ответила Сигрид.

Марит молчала. Потом достала ключ-карту. Бросила на пол.

— Уровень минус третий. Шлюзовая камера. Лодка есть. Топлива хватит до побережья. Но если они подключатся к твоему интерфейсу... ты уже не ты.

Сигрид подняла карту. Пластик был холодным.

— Я уже не я, — сказала она. — Но я ещё дышу.

Она пошла. Ларс — за ней, держась за стены, как за чужую руку. Коридор дышал холодом. Под ногами хлюпала вода. Аварийные лампы выхватывали из темноты трубы, кабели, лица. Одно лицо — в нише, за стеклом — повернулось вслед. Глаза были открыты, но пусты. В зрачках мерцали тонкие кольца интерфейса. Сигрид почувствовала, как сеть под кожей дёрнулась. Не боль. Узнавание. Она отвернулась и ускорила шаг.

Марит осталась у экрана. В её глазах не было страха. Только расчёт. И что-то похожее на облегчение.

За бортом вода смыкалась. Чёрная. Густая. Как масло. Как память, которая не отпускает.

Глава вторая. Спуск

Ларс шёл первым. Его шаги по решётчатому настилу были тихими, но каждый отзывался в затылке Сигрид коротким металлическим щелчком. Она шла босиком. Холод металла проникал в подошвы, поднимался по икрам, оседал в коленях. Коридоры уводили вниз, сужались, поворачивали под неестественными углами. На стенах конденсат стекал ржавыми дорожками. Лампы мигали не вразнобой — в такт. Будто станция дышала. Медленно. Тяжело. Через них.

У развилки Ларс остановился. Провёл пальцем по стене, оставил царапину.

— Тут. Техники выходили курить. Дверь не на замке.

Сигрид не ответила. Она смотрела на стену. Сквозь слой инея проступали буквы, выцарапанные чем-то острым — может, гвоздём, может, краем пластины: «семь — М.Х.» Она провела ладонью по буквам. Металл был ледяным, но под кончиками пальцев кожа дрогнула. Не от холода. От резонанса. В висках сжалось. Вспышка: белая плитка, стекло, отражение. Женское лицо. Её? Или чужое, натянутое на её кости. Щелчок в затылке стал громче. Ритмичный. Как метроном, сбившийся с такта.

— Идём, — сказала она. Голос сорвался.

Дверь поддалась с гулким лязгом. Внутри пахло озоном и горелой изоляцией. Переходной мостик нависал над технической шахтой. Внизу, в полутьме, двигались тени. Не люди. Не машины. Что-то среднее: обтекаемые корпуса, покрытые матовой оболочкой, похожей на хитин. Щупальца — гибкие, с присосками — скользили по перилам. На переднем сегменте — линза. Красная. Неподвижная. Они не искали. Они патрулировали. Или ждали.

Ларс вжался в стену.

— Не дыши громко. Они читают импульс.

Сигрид не успела спросить, как один отделился от группы. Подплыл к краю мостика. Линза сузилась. Щупальца потянулись к её виску. Не агрессивно. Исследующе. Будто искали порт.

— У меня нет порта, — прошептала она.

— Есть, — выдохнул Ларс. — Просто он внутри.

Кончик щупальца коснулся кожи. Укол. Холод, проникший глубже нервов. Сигрид ахнула. Мир сузился до точки. Не боль. Сигнал. Чужой. Густой. Он заполнил пустоты в голове, потянул за синапсы, заставил мышцы напрячься. Она не думала. Рефлекторно сжала челюсти, выдохнула в себя — и толкнула обратно. Не словами. Паттерном. Резким, рваным всплеском, как обрыв провода.

Щупальце дёрнулось. Линза мигнула. Корпус дрогнул, потерял ориентацию, упал на решётку. Оболочка пошла трещинами. Жидкость, тёмная, маслянистая, вытекла на металл.

Остальные замерли. Потом медленно отступили в шахту. Один повернул линзу к Сигрид. Красный зрачок мигнул. Не угроза. Скорее, вопрос. Потом тьма сомкнулась.

Ларс смотрел на неё. Глаза широко открыты. Губы шевелились, но звука не было.

— Бежим, — сказала Сигрид.

Ноги подкашивались. В ушах стоял звон. Из носа потекло тёплое. Она вытерла тыльной стороной ладони. Кровь. Или что-то похожее.

Спасательная капсула висела на направляющих, как гильза в патроннике. Ларс рванул рычаг. Механизм застонал. Стены содрогнулись. Из динамиков под потолком пробился голос. Не через эфир. Прямой. Нейропроводка. Марит Хёуг.

«Ты не уйдёшь. Ты уже часть контура. Ты — моя рука в темноте.»

Голос не звучал — он вибрировал в костях. В затылке. В левой кисти, где под кожей пульсировала сеть. Сигрид почувствовала, как мышца дёрнулась. Не её воля. Рефлекс. Тело потянулось к голосу, как растение к свету.

— Закрой уши, — прохрипела она Ларсу.

Но он уже зажал голову руками. Интерфейс на виске горел алым. Трещина расплзалась.

Клюки разжались. Капсула сорвалась. Падение — рывок, перегрузка, тьма. Удар о воду. Воздух выбило из лёгких. Стекло покрылось пузырями. Потом качка. Холод. Течёт где-то.

Ларс лежал на дне, свернувшись. Дышал часто, поверхностно.

— Она... тянет, — прошептал он. — Говорит... открыть клапан.

Сигрид подползла. Прижала его к груди. Не от нежности — от необходимости синхронизировать дыхание. Она закрыла глаза. Нашла в голове тот узел, где сходились чужие нити. Не разорвала. Сжала. Сильнее. До дрожи в зубах. До вкуса меди на языке. Пульс Ларса замедлился. Алый свет на виске потускнел до тлеющего уголька. Мальчик обмяк. Засопел.

Сигрид откинулась на борт. Смотрела в иллюминатор. Вода чёрная. Густая. Как нефть. Как память, которая не отпускает. В отражении на стекле дрожало её лицо. Или не её. Скулы, разрез глаз, линия рта — всё знакомое, но чужое. Словно кто-то нарисовал портрет по памяти и ошибся в деталях.

На платформе, которая уже уходила под воду, Марит стояла перед консолью. Пальцы бежали по клавишам. Не спеша. Точно. Огоньки на панели отражались в её зрачках. Красные. Ровные.

— Активация прошла, — сказала она в пустоту. — Запускайте первую волну.

Глава третья. Точка сбора

Траулер «Хёвдинг» дрейфовал без хода. Палуба ржавела. На лебёдках висели обрывки сетей. В рубке сидел капитан. Пристёгнут ремнями. Голова запрокинута. Глаза открыты. В виске — нейропорт. Мигал. Ровно. Ритмично. Человек не дышал. Порт — да.

Сигрид не стала трогать тело. Взяла рацию с полки. Крутила частоту. Треск. Шум. Потом голос диктора. Сломанный. Без эмоций.

— ...синхронизация носителей достигла порога. Неврологические каскады. Осло. Берген. Тронхейм. Отключите импланты. Повторяю. Это не тест.

Она выключила. Ручка дрогнула в пальцах. Посмотрела в тёмное стекло иллюминатора. Отражение размыто. Но контуры узнаваемы. Скулы. Разрез глаз. Линия рта. Она видела это лицо в снах. В лаборатории. В глазах Марит.

— Кто я? — спросила она. Не вслух. Внутрь.

Море не ответило. Оно только било в борт. Равнодушно.

К вечеру наметился берег. Свольвер. Причал. Два десятка домов. Церковь с обвалившейся крышей. Заправка. Пусто. Слишком пусто. Чайки не кричали. Их не было. Только ветер шевелил пластиковую обёртку на асфальте. Да где-то вдалеке, за домами, глухо стучал генератор. Или сердце.

На площади стояли люди. Двадцать. Может, больше. Лицами к воде. Не двигались. В висках — огоньки. Красные. Мигали в унисон. Как один организм. Как сеть, которой уже не нужны были провода.

Ларс вцепился ей в рукав.

— Не надо. Они... передают. Ждут касания.

Сигрид сделала шаг. Старик в мокром свитере медленно повернулся. Глаза ясные. Пустые. Улыбка кривая.

— Марит, — сказал он. — Ты пришла.

Она отшатнулась. Не от страха. От узнавания. Тело вспомнило. Разум — нет. Что-то в груди дёрнулось, потянулось к старику, к его голосу, к тому, как он произнёс её чужое имя.

Ларс потянул её обратно.

— Машина. Вон та. Синяя.

Они сели. Ключ торчал в замке. Аккумулятор сел на треть. Двигатель загудел тяжело, с провалами. Никто не побежал за ними. Заражённые не бегут. Они стоят. Ждут. Распространяются. Как вода, которая нашла трещину.

По шоссе Сигрид смотрела на свои руки. Браслет на запястье — не пластиковый. Титановый. С гравировкой, стёртой временем. Следы проколов в локтевых сгибах.

— Почему он назвал меня Марит?

Ларс молчал долго. Потом, глядя в окно:

— Я видел архив. До того как сеть легла. Марит Хёуг. Вице-президент. Главный по биосинхронизации. Ты... ты похожа. Может, генетический слепок. Может, реконструкция. Может, она просто переписала себя в новую оболочку.

— Образец семь, — сказала Сигрид.

— Седьмая итерация, — кивнул он. — Остальные не выдержали контур. Они... распались. Или стали тем, что теперь ходит по улицам.

Ночь тянулась медленно. Двигатель кашлял. Фары выхватывали из тумана столбы, знаки, брошенные машины. Иногда в свету мелькали силуэты. Стояли у дороги. Не махали. Не приближались. Просто провожали. Красные огоньки в висках мигали в такт друг другу.

К утру показался фьорд. Осло-фьорд. Мосты перекрыты бетонными блоками. Над водой, в низкой дымке, висел силуэт. Ржавый. Без огней. Корпус перекошен. Мачты сломаны. Корабль. Не современный. Старый. Деревянно-стальной. Он не шёл. Он стоял. Как будто ждал.

— Марево, — прошептал Ларс. — Так моряки называют миражи. Когда вода обманывает. Когда видишь то, что давно ушло на дно.

Сигрид смотрела на корпус. В груди что-то сжалось. Она видела этот корабль. Подолдом. В сне. Он ждал её. И теперь дождался.

Глава четвёртая. Магнус

Осло встретил их запахом гари и мокрой штукатурки. Улицы пустые. Витрины забиты фанерой. На перекрёстках — горы мусора и брошенные сумки. У костров сидели те, у кого на висках шрамы вместо портов. Они смотрели на проезжающую машину. Без вражды. С настороженностью.

Сигрид опустила стекло. Они почувствовали. Не глазами. Кожей. Что-то не так. Что-то чужое. Или слишком своё.

Ларс свернул в Грюнерлёкку. Квартал когда-то шумел. Сейчас — только ветер гонял фантики по асфальту. Музыка шла из подвала. Глухой бас. Вибрация в подошвах. Над дверью — выцветшая вывеска. Волк. Стилизованный. Почти стёртый. Бар «Северный волк».

Дверь открылась тяжело. Внутри полумрак. Дым сигарет, пропитавший дерево. За стойкой женщина чистила протез. Металлический. Пальцы щёлкали. В углу, у окна, сидел мужчина. Спина широкая. Куртка потёрта. Перед ним — бутылка. Почти пустая.

Сигрид замерла. В затылке щёлкнуло. Не боль. Узнавание. Тело помнило эти плечи. Помнило, как он поворачивается. Помнило голос.

Мужчина обернулся.

— Магнус, — сказала она.

Рука с бутылкой дрогнула. Он смотрел долго. Не веря. Не узнавая. Потом усмехнулся. Хрипло. Без радости.

— Нет. Тебя закопали. Три года назад. Я стоял у могилы. Марит Хёуг мертва.

Сигрид не ответила. Он встал. Подошёл. Пахло виски, табаком, порохом. Бывший коп. Бывший человек. Остановился в шаге. Смотрел в лицо. Искал разницу.

— Кто ты? — спросил он. — Почему у тебя её глаза?

— Не помню, — сказала она. — Только обрывки. Лаборатория. Капсула. Ты. Этот бар. Ты стоял вот здесь. Говорил, что вернёшься.

Магнус сжал челюсть. Посмотрел на Ларса. На трещину интерфейса. На титановый браслет. Узнал маркировку.

— Образец, — выдохнул он. — Они всё-таки довели.

Он отступил. Налил. Выпил. Закрыв глаза.

— «Слёзы Лофотена». Ты за ними. Все идут за ними. Думают, это лекарство. Это не лекарство. Это ключ. На вышке. К северу. Там, где тебя вырастили. Или где тебя пересобрали.

Сигрид покачала головой. В груди поднималось давление. Не тревога. Синхронизация. Она чувствовала, как сеть внутри неё тянется к городу. К огням в висках. К ритму.

— Я разносчик, — сказала она. — Через меня идёт сигнал. Я не могу быть в городе.

Магнус открыл глаза. В них не было жалости. Была усталость. И что-то похожее на долг.

— Знаю. Поэтому ты не останешься. Но сначала — нужно выбраться.

Дверь распахнулась. Ветер принёс запах гари. На пороге трое. Стоят. Не входят. Виски пульсируют красным. Дышат ровно. Ждут.

Магнус достал из-под стойки дробовик. Щелчок затвора.

— Ларс, за бар.

Сигрид шагнула вперёд. Не думая. Чувствуя узел в голове. Тот самый, что сжала в капсуле. Она не толкала. Она раскрыла. Позволила потоку выйти. Не наружу. Внутрь. В их контур. Резкий сбой частоты. Рассинхрон.

Первый моргнул. Красный огонёк дёрнулся. Погас. Колени подогнулись. Второй зашатался. Третий остался стоять, но ритм сбился. Дыхание стало неровным. Они не упали. Но перестали быть единым целым. На несколько секунд.

Сигрид пошатнулась. Кровь хлынула из носа. Тёплая. Густая. Ларс подхватил её под локоть.

— Ты что делаешь? — прохрипел Магнус.

— Ломаю связь, — выдохнула она. — Надолго не хватит. Тело не тянет.

Магнус опустил ствол. Посмотрел на неё. Потом на дверь. Кивнул.

— Знаю одного. Торгейр. У него люди. И злость на BioGen. Но сначала — из района.

Он посмотрел в окно. Над фьордом поднимался дым. Дроны кружили низко. По улицам, медленно, как прилив, шли люди с красными огнями в висках.

— Волна пошла, — сказал он. — У нас часы. Может, меньше.

Сигрид вытерла губу тыльной стороной ладони. Посмотрела в тёмное стекло. Отражение смотрело обратно. Марит? Сигрид? Она уже не могла разделить. В глазах отражались огни города. Красные. Ровные. Зовущие.

— Тогда идём, — сказала она. — К вышке. К «Слёзам».

В небоскрёбе «Гильдии», на сорок втором этаже, Ева Санд получила отчёт на планшет. Сухие строки. Носитель семь активен. Направляется к объекту Альфа. Она отложила планшет. Подошла к окну. Город горел точками. Не пожаров. Синхронизации.

— Пусть идёт, — сказала она. — Мы ждали.

Дверь лифта открылась. В коридор вышли двое. Без погон. С пустыми глазами. Ловушка захлопнулась. Не с треском. С тихим щелчком.

Глава пятая. Слёзы Лофотена

Они вышли в море на «Хёвдинге» — том самом траулере, который подобрал их у «Надгробия». Магнус уверенно вёл судно, словно это было его единственным занятием в жизни. Может, так и было. Сигрид не спрашивала. Она сидела на палубе, укутавшись в старый брезент, и смотрела, как за кормой исчезает Осло. Город тонул в дымке, съёживался, превращался в серую полосу на горизонте. Огни в висках тех, кто остался на берегу, ещё мерцали — красные, ровные, — но с каждой милей становились всё слабее. Или это только казалось.

Ларс спал в каюте. Его интерфейс больше не мигал — после того, как Сигрид прошептала ему странную фразу, трещина на виске погасла окончательно. Мальчик дышал ровно. Впервые за долгое время. Она не знала, что именно сказала тогда — слова пришли сами, из того места, где кончалась память и начинался код. Но они сработали. Трещина закрылась. Кратер на виске затянулся тонкой плёнкой, похожей на рубцовую ткань. Ларс спал без снов. Или, может, впервые за долгое время сны были его собственными.

— Ты уверена, что хочешь туда? — спросил Магнус, не оборачиваясь. — На вышку. К «Слезам».

— Да.

— Это ловушка.

— Знаю.

— И всё равно идёшь?

Сигрид посмотрела на свои руки. Браслет с QR-кодом. Следы игл в локтевых сгибах. Кожа под ними была синеватой, как у утопленника. И сеть под кожей — серовато-розовая, пульсирующая в такт её пульсу, но с задержкой в полтакта.

— Если я не пойду, — сказала она, — «Ржа» распространится. Я чувствую её. Она во мне. Она растёт. И если я не найду способ её остановить, я стану чем-то хуже, чем смерть.

Магнус долго молчал. Волны били в борт. Где-то вдалеке кричала чайка — одинокая, потерянная, как и всё живое в этом мире. Потом он сказал:

— Марит Хёуг была моей женой.

Сигрид вздрогнула. В затылке щёлкнуло. Она увидела вспышку: белая комната, две чашки на столе, чья-то рука. Его рука. Молодая. Без шрамов. Без пороха под ногтями. На пальце — кольцо. Простое. Металлическое. И женский смех — тихий, гортанный, знакомый. Её смех. Только не её.

— Три года назад она умерла, — продолжил Магнус. — Официально — от «Ржи». Но я видел тело. Это была не она. Что-то другое. Что-то, что носило её лицо. Как ты.

Он наконец обернулся. В его глазах не было злости. Только усталость. Такая глубокая, что казалась частью его костей.

— BioGen убил её. А потом сделал тебя. С её лицом. С её памятью, наверное. Только без её выбора.

Сигрид хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо них пришла боль — резкая, горячая, где-то в глубине черепа. Она согнулась, схватилась за голову.

— Что? — Магнус шагнул к ней. — Что с тобой?

— Она... — прошептала Сигрид. — Она зовёт меня.

Марит Хёуг. Из глубины. Из-под кожи. Из того места, где кончается память и начинается код. Голос не звучал — он вибрировал в костях. В затылке. В левой кисти, где под кожей пульсировала сеть. Тёплый. Терпеливый. Уверенный.

«Иди ко мне. Иди к вышке. Я жду.»

— Нет, — сказала Сигрид вслух. — Я не пойду к тебе. Я пойду к «Слезам».

Боль отпустила. Медленно, неохотно, как отлив. Магнус смотрел на неё с тревогой.

— Ты слышишь её?

— Да. Она всегда рядом. Она как... как второй голос. Как эхо.

Магнус отвернулся. Его плечи были напряжены. Широкие, тяжёлые — плечи человека, который слишком долго носил на себе груз, который никто не должен носить в одиночку.

— Тогда нам нужно торопиться, — сказал он. — Пока эхо не стало единственным голосом.

Вышка показалась на рассвете.

Она вырастала из моря, как чёрный палец, указующий в небо. Ржавая. Наклонённая. Полузатопленная. Волны били в её основание, и металл стонал. Где-то внутри, в недрах конструкции, что-то гудело — низко, протяжно, как орган в пустой церкви. Вокруг неё кружили дроны. Много. Больше, чем на «Надгробии». Они не патрулировали — они висели. Как чёрные насекомые, уснувшие в воздухе. Смотрели. Ждали.

На верхней палубе горел свет. Ровный, белый. Хирургический.

— Они знают, что мы здесь, — сказал Магнус.

— Да, — ответила Сигрид. — Она ждёт.

Она спустилась в каюту к Ларсу. Мальчик проснулся. Его глаза были ясные — впервые за всё время. Без мутной поволоки, без красных искр в зрачках. Просто глаза ребёнка, который слишком быстро стал взрослым.

— Я останусь на судне, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Если что-то пойдёт не так, я уведу «Хёвдинга».

Сигрид кивнула. Она не хотела брать его с собой. Туда, где был код. Где была Марит. Где была ложь, сплетённая в плотный узел, который они называли правдой.

— Спасибо, — сказала она.

Ларс взял её за руку. Пальцы у него были тонкие, холодные, но хватка — крепкая.

— Ты вернёшься, — сказал он. — Я знаю. Ты всегда возвращаешься.

Она не стала спрашивать, откуда он это знает. Может, он видел слишком много. Может, он просто верил. Вера — это тоже интерфейс. Просто без проводов.

Они с Магнусом сели в шлюпку. Мотор чихнул и завёлся. Вышка приближалась. Дроны не атаковали. Они просто висели в воздухе, как чёрные насекомые, и смотрели. Их линзы поблёскивали красным. Ровно. В такт. Как огни в висках заражённых. Как пульс под кожей.

Шлюпка ударилась о бетонный причал. Сигрид вышла первой. Магнус — за ней, с дробовиком. Металл причала был покрыт солью и ржавчиной. Пахло морем и чем-то ещё — сладковатым, как старые лекарства. Тем самым запахом, который она помнила из лаборатории. Из контейнера.

На палубе их ждала женщина.

Она была молода — лет тридцати пяти, не больше, — но в её осанке чувствовалась выучка, будто она годами стояла на смотровой палубе в шторм и не моргала. Высокая, прямая, в белом комбинезоне BioGen, который сидел на ней, как броня. Волосы светлые, коротко стриженные — ни один волосок не выбивался. На виске — нейроинтерфейс последнего поколения, почти невидимый, только тонкая серебристая линия, будто царапина, которую так и не заживили.

— Сигрид, — сказала женщина. — Наконец-то.

Голос у неё был ровный, без интонаций, как у диктора, который читает прогноз погоды в зоне бедствия. Или как у врача, который сообщает диагноз, уже зная, что лечение бесполезно.

— Ты знаешь моё имя, — сказала Сигрид.

— Конечно. Я знаю всё о тебе. Ты — образец номер семь. Лучший из семи. Я — Ева Санд. Вице-президент «Norsk BioGen». И я — та, кто тебя создал.

Магнус вскинул дробовик. Руки у него не дрожали, но Сигрид заметила, как побелели костяшки пальцев на прикладе. Он не спрашивал. Не угрожал. Он просто держал ствол направленным в грудь Евы. Потому что это было единственное, что он мог сделать.

— Ты убила Марит.

Ева посмотрела на него не с интересом, а с тем видом, с каким смотрят на сломанный прибор: досадно, но не трагично.

— Марит Хёуг умерла сама. Её тело не выдержало «Ржи». Мы просто... сохранили её лицо. Для дела. Для науки. Для тебя, Сигрид. Ты — её продолжение.

— Продолжение чего? — спросила Сигрид. Голос у неё был ровный, но внутри всё сжалось в тугую узел. — Лжи?

Ева улыбнулась — не широко, а так, будто вспомнила старую шутку, которая уже никому не кажется смешной.

— Продолжение вида. Homo novus. Человек, который не умирает. Человек, который делится. «Ржа» — это не болезнь, Сигрид. Это эволюция. Мы просто ускорили процесс.

— Где «Слёзы Лофотена»?

Ева посмотрела на неё долго. В её глазах не было ни торжества, ни сомнения. Только расчёт. Холодный и точный.

— Здесь. На верхнем уровне. Но ты не получишь их. Потому что «Слёзы» — это не антидот. Это оружие. Биокрибернетическое. Прион, который превращает носителя «Ржи» в передатчик. Ты — носитель. Ты — передатчик. Ты — оружие.

Магнус выстрелил.

Дробь ударила Еву в грудь. Она пошатнулась, но не упала. На белом комбинезоне появились дыры, из которых не шла кровь — только пыль, мелкая, как цементная, и тонкая струйка дыма, будто где-то внутри щёлкнуло реле. Она посмотрела на дыры. Потом на Магнуса.

— Бионика, — сказала она, поправляя воротник. — Дешёвая, но эффективная. Ты не убьёшь меня, Магнус. Ты можешь только замедлить.

Она подняла руку. И дроны, которые до этого висели в воздухе, как чёрные насекомые, вдруг сорвались с места — не все сразу, а по очереди, будто получали сигнал с задержкой. Один. Другой. Третий. Они летели низко, обтекаемо, почти беззвучно. И от них тянуло тем же запахом — сладковатым, как старые лекарства.

Сигрид почувствовала, как её подхватывают. Щупальца полипов — холодные, шершавые, с едва ощутимой вибрацией — обвили её руки, ноги, шею. Они не давили. Они просто держали. Как сеть, которая знает, что рыба уже внутри. Она не сопротивлялась. Не потому что сдалась, а потому что знала: сопротивление только ускорит процесс. Она смотрела на Еву.

И в её глазах было что-то такое — не торжество, а ожидание, — от чего Ева на мгновение отвела взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.